

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ.

АД

*За мной — мир слез, страданий и мучений,
За мною — скорь без грани, без конца,
За мной — мир падших душ и привидений.*

Книга на все времена (АСТ)

Данте Алигьери

Божественная комедия. Ад

«Издательство АСТ»

1315

УДК 821.131.1-1
ББК 84(4Ита)-5

Алигьери Д.

Божественная комедия. Ад / Д. Алигьери — «Издательство АСТ», 1315 — (Книга на все времена (АСТ))

ISBN 978-5-17-167904-0

Заплутав в дремучем лесу, лирический герой поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия» встречает своего любимого поэта Вергилия, который зовет его совершить путешествие по всем трем царствам загробного мира. Следуя за Вергилием через Ад и Чистилище, ступая мимо искупающих грехи грешников, Данте направляется к вратам Рая, где его ждет возлюбленная муза Беатриче. «Божественная комедия» оказала огромное влияние на всю последующую мировую культуру. Рафаэль, Сальвадор Дали и Сандро Боттичелли, Ференц Лист, Томас Элиот и Хорхе Луис Борхес — в своих творениях все отдали дань великой поэме. В данное издание вошла первая, наиболее популярная часть «Божественной комедии» — «Ад».

УДК 821.131.1-1

ББК 84(4Ита)-5

ISBN 978-5-17-167904-0

© Алигьери Д., 1315

© Издательство АСТ, 1315

Содержание

Песня первая	6
Песня вторая	11
Песня третья	15
Песня четвертая	20
Песня пятая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Данте Алигьери

Божественная комедия. Ад

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Песня первая

Поэт рассказывает, что, заблудившись в темном, дремучем лесу и встречая разные препятствия для достижения вершины горы, он достигнут был Вергилием. Последний обещался показать ему муки грешников в Аду и Чистилище и сказал, что потом Беатриче покажет поэту Райскую обитель. Поэт последовал за Вергилием.

- ¹ Когда-то я в годину зрелых лет
В дремучий лес зашел и заблудился.
Потерян был прямой и верный след...
- ⁴ Нет слов таких, чтоб ими я решился
Лес мрачный и угрюмый описать,
Где стыл мой мозг и ужас тайный длился:
- ⁷ Так даже смерть не может устрашать...
Но в том лесу, зловещей тьмой одетом,
Средь ужасов обрел я благодать.
- ¹⁰ Попал я в чашу дикую; нигде там
Я не нашел, объят каким-то сном,
Знакомого пути по всем приметам.
- ¹³ Пустыня предо мной была кругом,
Где ужасом невольным сердце сжалось.
Я увидал перед собой потом
- ¹⁶ Подножие горы. Она являлась
В лучах светила радостного дня
И светом солнца сверху позлащалась,
- ¹⁹ Прогнавшим страх невольный от меня.
В душе моей изгладилось смущенье,
Как гибнет тьма от яркого огня.
- ²² Как выброшенный на берег в крушенье
В борьбе с волной измученный пловец
Глядит назад, где море в иступленье
- ²⁵ Ему сулит мучительный конец;
Так точно озирался я пугливо,
Как робкий, утомившийся беглец,
- ²⁸ Чтоб еще раз на страшный путь тоскливо,
Переводя дыхание, взглянуть:
Доныне умирало все, что живо,
- ³¹ Свершая тот непроходимый путь.
Лишившись сил, как труп, в изнеможенье
Я опустил тихо отдохнуть,
- ³⁴ Но снова, пересилив утомленье,
Направил шаг вперед по крутизне,
Все выше, выше каждое мгновенье.
- ³⁷ Я шел вперед, и вдруг навстречу мне
Явился барс, покрытый пестрой кожей

И с пятнами на выгнутой спине.
40 Я, как врасплох застигнутый прохожий,
Смотрю: с меня он не спускает глаз
С решимостью, на вызов мне похожей,
43 И заграждает путь, на нем ложась,
Так что я думать стал об отступленьи.
На небе утро было в этот час.
46 Земля очнулась после пробужденья,
И плыло солнце в небе голубом,
То солнце, что во дни миротворенья
49 Зажглось впервые, встречено кругом
Сияньем звезд, с их ясным, кротким светом...
Ободренный веселым, светлым днем,
52 Румяным и торжественным рассветом,
Я выносил без страха барса гнев,
Но новый ужас ждал меня при этом:
55 Передо мной вдруг очутился лев.
Назад закинув голову, он гордо
Шел на меня: стоял я, присмирив.
58 Смотрел в глаза так алчно он и твердо,
Что я, как лист, затрепетал тогда;
Гляжу: за ним видна волчицы морда.
61 Она была до ужаса худа:
Ненасытимой жадностью, казалось,
Волчица подавляема всегда.
64 Уже не раз перед людьми являлась
Она, как гибель их... В меня она
Чудовищными взглядами впивалась,
67 И стала вновь отчаянья полна
Моя душа. Исчезла та отвага,
Которая вести была должна
70 Меня на верх горы. Как жадный скряга
Рыдает, потерявши капитал,
В котором видел счастье, жизни благо,
73 Так перед диким зверем я рыдал,
Путь пройденный теряя шаг за шагом,
И снова вниз по крутизне сбегал
76 К тем безднам и зияющим оврагам,
Где блеска солнца видеть уж нельзя
И ночь темна под вечным, черным флагом.
79 С стремнины на стремнину вниз скользя,
Я человека встретил той порою.
Безмолвие собой изобразя,
82 Он словно так был приучен судьбою
К молчанию, что голос потерял.
Увидя незнакомца пред собою

85 В пустыне мертвой, громко я воззвал:
«Кто б ни был ты – живой иль привиденье,
Спаси меня!» И призрак отвечал:
88 «Когда-то был живое я творенье;
Теперь перед тобой стоит мертвец.
Я в Мантуе рожден в одном селенье;
91 В Ломбардии жил прежде мой отец.
Жизнь начал я при Юлии и в Риме
В век Августа жил долго, наконец,
94 Когда богами ложными своими
Считали люди идолов. Тогда
Я был поэт, писал стихи, и ими
97 Энея воспевал и те года,
Когда распались стены Илиона...
А ты зачем стремишься вниз сюда,
100 В обитель скорби, скрежета и стона?
Зачем с пути к жилищу вечных благ
Под благодатным блеском небосклона
103 Стремишься к тьме неудержимо так?
Иди вперед и не щади усилий!»
И, покраснев, ему я сделал знак
106 И спросил: «Ужели ты Вергилий,
Поэтов всех величие и свет?
Пусть о моем восторге и о силе
109 Моей любви к тебе, святой поэт,
Расскажет слабый труд мой и творенья
И то, что изучал я много лет
112 Великие твои произведения¹.
Смотри: я перед зверем трепещу,
Все жилы напряглись. Ищу спасенья,
115 Певец, твоей я помощи ищу». —
«Ты должен поискать пути иного,
И этот путь я указать хочу».
118 Услышал я из уст поэта слово:
«Знай, страшный зверь-чудовище давно
Путь этот заграждает всем сурово
121 И губит и терзает всех равно.
Чудовище так жадно и жестоко,
Что вечно не насытится оно
124 И жертвы рвет в одно мгновенье ока.
К нему на смерть несчетное число
Творений жалких сходит издалёка, —
127 И долго будет жить такое зло,

¹ «И то, что изучал я много лет / Великие твои произведения». – Еще до появления «Божественной Комедии» Данте был уже известен как автор многих произведений на латинском и итальянском языках.

Пока Пес Ловчий² с зверем не сразится,
Чтобы вредить уж больше не могло
¹³⁰ Чудовище. Пес Ловчий возгордится
Не жалким властолюбием, но в нем
И мудрость и величье отразится,
¹³³ И родиной его мы назовем
Страну от Фельтро и до Фельтро³. Силы
Италии он посвятит; мы ждем,
¹³⁶ Что с ним опять воспрянет из могилы
Италия, где прежде кровь лилась,
Кровь девственной, воинственной Камиллы,
¹³⁹ Где Турн и Низ нашли свой смертный час⁴.
Преследовать от града и до града
Волчицу эту будет он не раз,
¹⁴² Пока ее не свергнет в кратер Ада,
Была откуда изгнана она
Лишь завистью... Спасти тебя мне надо
¹⁴⁵ От этих мест, где гибель так верна;
Иди за мной, – тебе не будет худо,
Я выведу – на то мне власть дана —
¹⁴⁸ Тебя чрез область вечности отсюда,
Чрез область, где услышишь ты во мгле
Стенания и вопли, где, как чуда,
¹⁵¹ Видения умерших на земле
Вторичной смерти ждут и не дождутся⁵
И от мольбы бросаются к хуле.
¹⁵⁴ Потом перед тобою пронесутся
Ликующие призраки в огне,
В надежде, что пред ними распахнутся,
¹⁵⁷ Быть может, двери в райской стороне
И их грехи искупятся страданьем.
Но если обратишься ты ко мне
¹⁶⁰ С желанием в Раю быть – тем желаньем
Давно уже полна душа моя —

² *Ловчий Пес* – Так называл Данте владельца Вероны Кана Гранде делла Скала, известного своей храбростью и благородством. Имя *Пес* он получил, по свидетельству своих современников, из-за того, что его мать во время беременности видела сон, будто она разрешилась от бремени собакой. При жизни его называли Великим за подвиги. Именно при его дворе Данте, изгнанный из Флоренции, нашел себе пристанище. Так как Данте начал писать «Божественную Комедию» еще до своего изгнания, когда Кан был ребенком, то комментаторы полагают, что стихи о Ловчем Псе вставлены поэтом уже после, в те дни, когда на Кана Гранде современники возлагали все свои надежды.

³ *«И родиной его мы назовем / Страну от Фельтро и до Фельтро»*. – Здесь речь идет о Вероне, которая с одной стороны граничит с Тревизакою, где находится местечко *Фельтро*, а с другой примыкает к Романии, где есть гора, называемая тоже *Фельтро*.

⁴ *«Кровь девственной, воинственной Камиллы, / Где Турн и Низ нашли свой смертный час»*. – *Камилла* – воинственная дева, дочь Метаба, царя вольсков, и *Турн* – сын Дауна, царя ругулов, защищая Лациум, погибли в битве с выходцами из Трои. Там же был убит мужественный *Низ* вместе со своим другом Эвриалом.

⁵ *«Видения умерших на земле / Вторичной смерти ждут и не дождутся...»* – Души грешников, осужденные на адские муки, призывают забвение этих мучений – вторичную смерть.

То есть душа другая: по деяньям

¹⁶³ Она меня достойнее, и я

Ей передам тебя у райской двери

И удалюсь, печаль свою тая.

¹⁶⁶ Я был рожден в иной и темной вере,

К прозрению не приведен никем,

И места нет теперь мне в райской сфере,

¹⁶⁹ И я пути не укажу в Эдем.

Кому подвластны солнце, звезды эти,

Кто царствует в веках над миром всем,

¹⁷² Того обитель – Рай... На этом свете

Блаженны все, им взысканные!» Стал

Тогда искать опоры я в поэте:

¹⁷⁵ «Спаси меня, поэт! – я умолял. —

Спаси меня от бедствий ты ужасных

И в область смерти выведи, чтоб знал

¹⁷⁸ Я скорбь теней томящихся, несчастных,

И приведи к священным тем вратам,

Где Петр Святой обитель душ прекрасных

¹⁸¹ Век стережет. Я быть желаю там».

Мой проводник вперед шаги направил,

И следовал я по его пятам.

Песня вторая

Во второй песне поэт, после обычного вступления, начинает сомневаться в своих силах для предстоящего пути и думает, что не в состоянии будет сойти в Ад вместе с Вергилием. Ободренный Вергилием, он решает наконец следовать за ним, как за своим наставником и путеводителем.

¹ День потухал. На землю сумрак лег,
Людей труда к покою призывая.
Лишь я один покойным быть не мог,
⁴ Путь трудный, утомительный свершая.
Все то, что предстояло мне вперед —
Страдания и обаянье Рая, —
⁷ То в памяти навеки не умрет...
О, музы, о святое вдохновенье!
Теперь вы мой единственный оплот!
¹⁰ Запомни, память, каждое явление,
Которое заметил только взгляд!
«Скажи, поэт! – воскликнул я
в волненье. —
¹³ Мой путь тяжел, в пути препятствий ряд...
По силам ли мне подвиг предстоящий?
Ты описал, как раз спускался в Ад
¹⁶ Герой Эней⁶, тогда еще носящий
Людскую плоть, и вышел невредим:
Сам вечный Бог, на свете зло разящий,
¹⁹ Всегда стоял защитником над ним
И чтит родоначальника в нем Рима;
И знаем мы – на этот славный Рим
²² Сошло благословение незримо...
Святынею, источником добра
Да будет град, где власть неутомима
²⁵ Наместников святителя Петра!..
Спустился в Ад Эней, тобой воспетый,
В нем не нашедший смертного одра,
²⁸ Но знаньем и прозрением согретый,
Величье пап из Ада вынес он.
Позднее же с земли печальной этой
³¹ Сам Павел был на Небо вознесен,
Где стал опорой нашего спасенья.
Но я – тяжелым подвигом смущен,
³⁴ Я трепещу за дерзкие стремленья.

⁶ Эней – отец Сильвия, сын Анхиза, брат Приама, завоеватель Лациума, где властвовали его потомки, от которых производят род Ромула, основателя Рима.

Я не апостол Павел, не Эней, —
Избрать их путь кто дал мне позволение?
³⁷ Вот почему являться в мир теней
Боюсь с тобой. Уж не безумен я ли?
Но ты меня мудрее и сильнее:
⁴⁰ Покорствую тебе в моей печали». —
Как человек, лишенный воли вдруг,
В котором мысли новые сменяли
⁴³ Ряд прошлых дум и помыслов и мук,
Так точно я в пути стал колебаться
И озирался с трепетом вокруг,
⁴⁶ И быстро стала робостью сменяться
Моя решимость. Призрак мне сказал:
«Ты начал низкой трусостью смущаться.
⁴⁹ Подобный страх нередко отвращал
От славных дел. Так тени зверь боится.
Но я рассею страх твой. Я блуждал
⁵² Среди призраков и ждал, когда решится
Над участью моею приговор,
Вдруг слышу, — я не мог не удивиться, —
⁵⁵ Святая Дева в тихий разговор
Со мной вступила. Счастья не скрывая,
Я Деве поклонился с этих пор.
⁵⁸ Как звезды неба не жили, сверкая,
Ее глаза, и голос так звучал,
Как пенье херувимов в царстве Рая:
⁶¹ “О ты, поэт, чей гений засиял
И будет жить до разрушенья света,
Иди! На крутизне пустынных скал
⁶⁴ Мой друг ждет и опоры и совета,
Препятствиями страшными смущен.
Иль для него погибло все? Ответа
⁶⁷ Я буду ждать: он будет ли спасен?
Иди к нему и силой строгой речи
Да будет от беды избавлен он.
⁷⁰ Мне имя – Беатриче; издалече
Явилась я. Меня любовь вела,
Моя любовь с тобой искала встречи:
⁷³ Я помощи твоей с мольбой ждала.
В обитель Бога скоро я предстану
И там, где гибнет всякая хула,
⁷⁶ Тебя я славословить громко стану...”
И Беатриче смолкла. Я сказал:
“Клянусь, тебе служить я не устану!
⁷⁹ Ты святости высокой идеал,
Ты образ добродетели чудесной!

Все радости земли, что Бог нам дал,
82 Доводишь ты до радости Небесной!
Тебе легко повиноваться мне...
И если бы, о призрак бестелесный,
85 Твою я волю выполнил вполне,
То все бы постоянно мне казалось,
Что действовал я вяло, как во сне,
88 Что дело слишком медленно свершалось.
Твои желанья мог я оценить,
Но отвечай: как ты не побоялась
91 В жилище преисподнее сходить
Из той святой обители надзвездной,
Которую не можешь ты забыть?..”
94 “Без страха я скольжу над этой бездной, —
Сказала Беатриче, — и, поэт,
Могу тебе совет я дать полезный:
97 Поверь — когда злых помыслов в нас нет,
Нам ничего не следует бояться.
Зло ближнему — вот где источник бед,
100 И только зла нам нужно всем пугаться.
Благое Небо крепость мне дает,
Чтоб не могла страданьем я терзаться,
103 И даже пламя ног моих не жжет.
Там в Небесах есть Дева Всеблагая⁷,
И ей-то, Всеблагой, стал жалок тот,
106 Кого спасти ты должен, сберегая.
И к Лючии⁸ пришла с мольбой она:
“Спеши помочь тому ты, дорогая,
109 Которому рука твоя нужна”.
И Лючия то место посетила,
Любви и сострадания полна,
112 Где я с Рахилью старой говорила,
И молвила: “Настал ужасный миг!
Что, Беатриче, ты не поспешила,
115 Спасти того, кто в мире стал велик,
Любив тебя? Иль ты не слышишь, что ли,
Знакомый вопль и о спасенье крик?
118 Не видишь, как жилец земной юдоли
В борьбе со смертью грозной изнемог,
Которая страшна в безумной воле,

⁷ *Дева Всеблагая* — олицетворение милосердия. Не проще ли — что это образ Богоматери, Мадонны? Толкователи Данте даже в лице Беатриче ищут олицетворение богословия, хотя Данте, кажется, просто воссоздавал в ней образ своей первой и единственной любви. Беатриче была источником его еще младенческого вдохновения. Известно, что когда Данте было только девять лет — он полюбил восьмилетнего, прекрасного ребенка — Беатриче Портинари, которая умерла юной. Идеальной любви к Беатриче Данте оставался верен до конца жизни.

⁸ *Лючия* — фантастический образ, по-видимому, олицетворение небесной благодати и сострадания.

¹²¹ Как океана бешеный поток...”
Никто быстрее не мчался для добычи,
Никто от бед бежать скорей не мог,
¹²⁴ Как бросилась сюда я, Беатриче,
Покинувши приют святых теней,
И одного тебя на помощь клича.
¹²⁷ Ты даром слова в мире всех сильней,
И я в твоих словах ищу опоры...”
Тогда на мне безмолвно, без речей,
¹³⁰ Она в слезах остановила взоры,
И я к тебе на помощь поспешил
Не медля, – мне страшны ее укоры;
¹³³ Волчицу я к тебе не допустил
И на гору открыл тебе дорогу...
Что ж медлишь ты? Иль в сердце не смирил
¹³⁶ Ты робости напрасную тревогу?
Когда три девы в вечных Небесах
За жизнь твою мольбы возносят к Богу,
¹³⁹ Когда во мне, во всех моих словах
Находишь ты привет и поощренье,
Ужель в тебе не утихает страх?»
¹⁴² Как от холодных ветров дуновенья,
От стужи наклоняются цветы
И утром вновь встают в одно мгновенье
¹⁴⁵ Под блеском солнца, полны красоты,
Так точно я от страха вдруг очнулся,
Воскликнув: «Будь благословенна ты,
¹⁴⁸ В чьем состраданье я не обманулся,
Ты, бодрость заронившая мне в грудь,
Когда мой стан от ужаса согнулся...
¹⁵¹ И ты, поэт, благословенным будь,
Исполнив повеленье Девы Рая.
С тобой готов начать я смело путь,
¹⁵⁴ Желаньем трудных подвигов сгорая.
С тобой мне не страшна пучина зол...
Веди ж меня, путей не разбирая...»
¹⁵⁷ Так я сказал и за певцом пошел.

Песня третья

Данте, следуя за Вергилием, достигает дверей Ада, куда оба входят, прочитавши у входа страшные слова. Вергилий, указывая поэту на мучения, которые заслужили трусы, ведет его далее. Они приходят к реке, называемой Ахерон, у которой находят Харона, перевозящего души на другой берег. Когда Данте переехал чрез Ахерон, то он заснул на берегу этой реки.

¹ «За мной – мир слез, страданий
и мучений,
За мною – скорбь без грани,
без конца,
За мной – мир падших душ
и привидений.
⁴ Я – правосудье высшего Творца,
Могущества и мудрости создание,
Творение Небесного Отца,
⁷ Воздвигнутое раньше мироздания.
Передо мной – прошел столетий след,
Удел мой – вечность, вечность наказанья,
¹⁰ За мной ни для кого надежды нет!»
Над входом в Тартар надпись та чернела.
Я страшные слова прочел. «Поэт,
¹³ Смысл этих слов, – воскликнул я несмело, —
Наводит страх!» Вергилий угадал,
Что сердце у меня оледенело.
¹⁶ «Здесь места страху нет, – он отвечал. —
Мы подошли к обители печали
Тех падших душ, – Вергилий продолжал, —
¹⁹ Что на земле безумцами блуждали»⁹.
И мне с улыбкой руку сжал певец;
Я стал бодрей, и вот мы увидали
²² Обитель вечной тайны, наконец,
Где в безрассветном мраке раздавались
Вопль и стенанья из конца в конец;
²⁵ Повсюду стоны, где мы ни являлись,
И я заплакал, выдержать не мог...
Мы ближе, – вопли грешников сливались
²⁸ В смесь разных языков, в один поток.
Хулы, проклятья, бешенства визжанье,
Ужасные движенья рук и ног, —
³¹ Все в гул сливалось в общем завыванье.
Так ураган крутит степей пески.

⁹ «Что на земле безумцами блуждали». – То есть те, которые на земле были поражены безумием. Слово «безумие» в этом месте нужно понимать не в смысле умопомешательства, а как общее понятие о людях, здравый смысл которых часто подавляется их страстями.

Ревет и губит все, без сострадания.

³⁴ В неведение, исполненный тоски,
Воскликнул я невольно: «О, учитель!
Ужель грехи теней так велики,

³⁷ Теней, попавших в страшную обитель?
И кто они?» – «Ничтожество – они
В толпе людей, – сказал путеводитель. —

⁴⁰ При жизни на земле в иные дни
Жалчайшими их тварями считали.
Им на земле, – кругом себя взгляни, —

⁴³ Хулы иль похвалы не воздавали;
Теперь – они вступили в сонм духов,
Которые Творцу не изменяли,

⁴⁶ Но грех давил их тяжестью оков
И не было в них веры в Провиденье.
Великий Бог их свергнул с облаков,

⁴⁹ Чтоб Небеса не знали осквернения,
И даже Ад впустить их не хотел:
В Аду гнушалось даже преступленье

⁵² Ничтожеством и мерзостью их дел». —
«Какие же назначены им муки?
Какой у них, наставник мой, удел?

⁵⁵ Пронзительны их страшных воплей звуки...»
И отвечал Вергилий: «Лишены
Они надежды; скованы их руки.

⁵⁸ В их настоящем скорби так сильны,
Что худшей доле, большему мученью
Они всегда завидовать должны.

⁶¹ Мир их забыл – и нет конца забвенью:
Их не щадят, но также не казнят,
Приговоривши к вечному презренью.

⁶⁴ Но прочь от них и брось вперед свой взгляд,
Иди теперь за мной неутомимо». —
Я сделал шаг, но отступил назад:

⁶⁷ Передо мной промчалось знамя мимо,
Так быстро, словно вихорь уносил
Его вперед, вперед неудержимо.

⁷⁰ За ним летели призраки могил
Несчетной вереницей: страшно было,
Что столько жизней в мире, столько сил

⁷³ Смерть в призраки немые обратила.
Один из них мне словно был знаком:
Известный образ память сохранила.

⁷⁶ Смотрю: да, это точно он, о ком
Народ с презреньем часто отзывался,
Кто, покривя душой и языком,

79 Высоким отреченьем запятнался¹⁰.
Тут понял я, что этот сонм теней
Собраньем душ отверженных являлся,
82 Презренных для врагов и для друзей.
Их жизнь была не жизнь, а прозябанье,
И здесь теперь, при наготе своей,
85 Достались эти жалкие созданья
На жертву насекомых – мух и ос —
И терпят непрерывные терзанья.
88 По лицам их, мешаясь с током слез,
Струилась кровь и к их ногам стекала,
Где множество червей в крови вилось
91 И эту кровь мгновенно пожирало.
От них я отвернулся. Вдалеке
Немало новых призраков стояло
94 На голем берегу, столпясь к реке.
«Учитель, – я спросил, – чьи тени эти,
Что переправы словно ждут в тоске?
97 Их вижу я едва при тусклом свете». —
«Об этом ты узнаешь, – молвил он, —
Когда, – я побледнел при том ответе, —
100 Откроется пред нами Ахерон».
Мы дальше шли, и я хранил молчанье,
Пока не увидел со всех сторон
103 Большой реки, бежавшей без журчанья.
Вот подплыл к нам седой старик в челне.
«О, горе вам, преступные созданья! —
106 Он закричал Вергилию и мне. —
Надежды все вам нужно здесь оставить,
Вам Неба не увидеть в вышине.
109 Я здесь, чтобы туда вас переправить,
Где холод вечный царствует и ночь,
Где пламя в состоянье все расплавить.
112 А ты, – он мне сказал, – отсюда прочь!
Среди умерших места нет живому».
Не в силах любопытства превозмочь,
115 Не двигался я с места. «По иному

¹⁰ *Смотрю: да, это точно он, о ком / Народ с презреньем часто отзывался...* – В буквальном переводе: «Вглядываюсь и узнаю в нем того, кто опозорил себя высоким отречением». Это место очень спорное. Некоторые предполагают, что Данте подразумевал Исава, продавшего право первородства (предположение более чем неправдоподобное); другие – Диоклициана, отрекшегося от престола; папу Целестина V, сложившего папскую тиару по проискам кардинала д'Ананьи, впоследствии папы Бонифация VIII; Торреджиано де Черки, предводителя партии Белых, отказавшегося от начальства над войсками. Учитывая то, с каким ожесточением преследовал Данте в своей поэме папскую власть, скорее всего, речь идет о Целестине V, тем более что отречение этого папы свершилось при жизни поэта. Скандальный характер этого отречения поразил в свое время всю Западную Европу. Говорили, что каждую ночь кардинал д'Ананьи, искавший папского престола, прятался в храме, где молился папа, и приказывал ему сложить тиару. Целестин повиновался, принимая его слова за голос свыше. Это объяснение, как и многие другие, на которые мы указываем, делает переводчик дантовского «Ада» Фан Дим, комментировавший Данте по древнему словарю *Vocabolario degli Accademici della Crusca*.

Пути ты поплывешь, – прибавил он, —
И переправит к берегу другому
118 Тебя челн легкий...» – «Знай же ты, Харон, —
Ему сказал мой спутник хладнокровный, —
Что ты напрасным гневом возмущен:
121 Тот, воля чья закон есть безусловный,
Так повелел, и должен ты молчать».
И смолкнул разом лодочник огромный,
124 И перестали бешенством сверкать
Его глаза в их огненных орбитах,
Но призраки, успев слова поймать,
127 Проклятьем разразились; в ртах открытых
Их зубы стали громко скрежетать;
В их мертвых лицах, язвами изрытых,
130 Явилась бледность. Нагло изрыгать
Они хулы на целый мир пустились,
Творца и предков стали проклинать
133 И самый час, когда они родились.
Потом, с рыданьем к берегу скользя,
К ужасной переправе устремились:
136 Избегнуть общей кары им нельзя.
Их гнал Харон, глазами вокруг сверкая,
Веслом отставших призраков разя.
139 Как в осень листья падают, мелькая,
Пока ветвей совсем не обнажат,
В наряд поблекший землю облекая,
142 Так тени на пути в глубокий Ад
На зов гребца в ладью его бросались,
Теснились и помещались в ряд.
145 Едва они через поток помчались,
Как к перевозу страшному опять
Уже другие призраки сбегались.
148 «Мой сын, – сказал поэт, —
ты должен знать,
Что души осужденных прилетают
Отвсюду к Ахерону. Разгадать
151 Они свое грядущее желают,
Спеша переплывать через поток,
И вечно их желанья пожирают
154 Узнать ту казнь, что ждет их за порок.
Еще никто с душой неразвращенной
Здесь чрез реку переплывать не мог;
157 Вот почему отверг Харон бессонный
Тебя, мой сын, и гневом запылал,
Твоим явленьем сильно раздраженный».
160 Поэт умолк, и вдруг я услышал

Ужасный грохот, – почва задрожала...
Холодный пот на теле выступал.
¹⁶³ Над головою буря застонала,
И полосой кровавой в Небесах
Извилистая молния сверкала...
¹⁶⁶ Меня сковал какой-то новый страх,
И я в одну минуту чувств лишился,
Не в силах удержаться на ногах,
¹⁶⁹ И, как во сне, на землю опустился.

Песня четвертая

Поэт вслед за Вергилием спускается в первый круг Ада, где в особой светлой обители находит призраки знаменитых людей древности, которые приветствуют их и продолжают с ними путь. Ряд других знаменитых мужей. Вергилий ведет поэта дальше, в Царство мрака.

¹ Раскатом грома был я пробужден
И от его ударов содрогнулся.
Развеялся тяжелый, смутный сон;
⁴ Раскрыв глаза, кругом я оглянулся,
Желая знать, где я, куда попал,
И над зиявшей бездною нагнулся:
⁷ Из бездны гул стенаний долетал
До нашего внимательного слуха, —
Внизу под нами вечный стон стоял,
¹⁰ То грозен был, то замирал он глухо,
Была темна той бездны глубина,
И если вопль мог долетать до уха,
¹³ То глаз не мог увидеть бездны дна,
Хоть напрягал усиленно я зренье.
«Пусть эта пропасть вечная мрачна, —
¹⁶ Сказал поэт и побледнел в мгновенье, —
Мы в этот мрачный мир теперь сойдем;
За мною смело следуй без смущенья».
¹⁹ В лице переменился он. О том
Заметил я: «Уж если ты бледнеешь,
В моих сомненьях ставши мне щитом,
²² Могу ль быть смел, когда ты сам робеешь?»
Он отвечал: «В лице, в моих глазах
Всех чувств моих читать ты не умеешь.
²⁵ Я чувствую теперь не жалкий страх,
Но ощущаю только состраданье
К судьбе теней, томящихся впотьмах,
²⁸ Под безысходной карой наказанья.
Иди за мной. Наш путь еще далек,
Нам медленность не принесет познания...»
³¹ И за собой поэт меня увлек
К ограде первой бездны непроглядной.
Хоть вопль теней к нам долетать не мог,
³⁴ Но самый воздух пропасти той смрадной,
Казалось, словно вздохами стонал:
То было Царство скорби безотрадной,
³⁷ Отчаянья без боли, где блуждал
Сонм призраков – мужчины, жены, дети.
Тогда путеводитель мне сказал:

40 «Что же меня не спросишь ты, кто эти
Несчастные? Ты должен все узнать,
Чем были эти призраки на свете,
43 Пока вперед мы не пошли опять.
Так знай: им неизвестно преступленье,
Но недоступна Неба благодать,
46 Лишь потому, что таинством крещенья
Своих грехов омыть им не пришлось, —
Они бродили в вечном заблужденье
49 В те дни, когда в мир не сходил Христос.
Их вера до Небес не воспарила.
Я сам в незнание их когда-то рос:
52 Неведенье одно нас погубило,
И за него мы все осуждены
На вечное желанье за могилой,
55 Надежды, милый сын мой, лишены...»
От этих слов тоска мне сердце сжала:
Страдать все эти призраки должны,
58 Хоть их чело величием блистало.
Кто скажет им, что в будущем их ждет?
И я хотел, во что бы то ни стало,
61 Проникнуть тайну Неба и вперед
Узнать предел их горького страданья;
И так сказал: «Меня желанье жжет,
64 Поэт. Скажи мне: в Царстве наказанья
Ужель никто доньше не умел
Спасенье заслужить и оправданье
67 За подвиги и славу прежних дел?
Ужель никто спасти их не решался?»
И отвечал учитель: «Мой удел
70 Еще мне нов был здесь, когда спускался
Сюда во мрак Спаситель мира сам
И лаврами победы увенчался.
73 Спасен был им наш праотец Адам,
И Ной, и Моисей – законодатель,
И царь Давид, и старый Авраам,
76 Рахиль, – и многих спас тогда Создатель,
И в горние селенья перенес,
Прощая их, Божественный Каратель.
79 До той поры до мира вечных слез
Ни разу не коснулось искупленье...»
Мы дальше шли. И скоро нам пришлось
82 Переходить пространство. Привиденья,
Как лес густой, являлись впереди,
Неуловимы, точно сновиденья.
85 Оставивши вход в бездну назад,

Мерцавший свет во тьме я вдруг заметил,
И сердце шевельнулося в груди.

⁸⁸ Я угадал, что в сумраке был светел
Душ избранных особый уголок.
«Учитель мой! Я жду, чтоб ты ответил

⁹¹ И назвал тех, кому всесильный рок
Дал светлую, особую обитель
И в бездну тьмы с другими не увлек!» —

⁹⁴ «Их слава, – отвечал путеводитель, —
Их пережив, живет до поздних дней,
И им за то Небесный Вседержитель

⁹⁷ Отличье дал в обители теней».

И в тот же миг услышали мы слово:
«Привет певцу! Привет его друзей!

¹⁰⁰ В мир призраков он возвратился снова...»

Тут голос стих. Четыре тени шли
Навстречу к нам. Страдания немого,

¹⁰³ Иль светлой, чистой радости земли,
Иль затаенной в сердце печали —
В их лицах прочитать мы не могли.

¹⁰⁶ Тогда слова поэта прозвучали:
«Смотри, с мечом¹¹ вот выступил вперед
Певец Омир: царем его считали

¹⁰⁹ Поэзии. Гораций с ним идет,
А вот Лукан с Овидием. Привета,
Такого же привета, как и тот,

¹¹² Что я сейчас услышал от поэта,
Они достойны все...» И я вошел
В собрание певцов великих света,

¹¹⁵ В ту школу, где над всеми, как орел,
Вознесся царь высоких песнопений...
Кружок теней со мною речь завел,

¹¹⁸ Приветствуя мой восходящий гений;
Вергилий тут не мог улыбки скрыть.
Затем, вслед за приветствием видений,

¹²¹ Певцами был я приглашен вступить
В их тесный круг, и был шестым меж ими.
Мы стали меж собою говорить

¹²⁴ В согласии, как братья. Вместе с ними
Я шел туда, где бледный свет мерцал;
И с спутниками, сердцу дорогими,

¹²⁷ Величественный замок увидал,
Кругом семью стенами обнесенный;
Поток реки тот замок обвивал.

¹¹ «Смотри, с мечом...» – Меч здесь – символ войн, воспетых когда-то Омиром.

¹³⁰ И чрез поток, певцами окруженный,
Я перешел, как через сушу, вдруг;
Чрез семь ворот вступил я, пораженный,
¹³³ На длинный двор, где цвел зеленый луг.
На том лугу иные тени были:
На лицах их – спокойствие без мук
¹³⁶ И словно думы строгие застыли.
Величием запечатлен их вид;
Они почти совсем не говорили,
¹³⁹ Но мне казалось – голос их звучит,
Как музыка. С холма смотреть мы стали
Кругом себя, – с холма был нам открыт
¹⁴² Весь светлый луг, где призраки блуждали.
На множество прославленных теней
Мне спутники в то время указали
¹⁴⁵ Среди поляны. Видел я на ней
Электру¹² вместе с многими тенями:
Вот Гектор, всем известный, вот Эней,
¹⁴⁸ Вот Цезарь с ястребиными очами,
С Камиллою¹³ Пентесилея¹⁴ вот,
Вот царь Латин¹⁵ с Лавинией пред нами;
¹⁵¹ Вот Брут, а вот Лукреция идет,
Вот призрак одинокий Саладина¹⁶,
Тень Марции¹⁷ и Юлии¹⁸ встает
¹⁵⁴ С Корнелией¹⁹; вот новая картина:
Вкруг мудреца²⁰ философы сидят,
Ему дивясь и славя воедино;
¹⁵⁷ Сидел Платон, с ним рядом и Сократ.
Вот тени Диогена, Демокрита²¹;
Вот призраки знакомые стоят
¹⁶⁰ Фалеса, Эмпедокла, Гераклита.
Вот и Зенон, и он, Диоскорид²²,
В котором знания много было скрыто;

¹² *Электра* – некоторые думают, что Данте говорит об Электре – дочери Атланта и супруге Карита – царя Италии, которая от Юпитера родила царя Дардана, основателя Трои. Другие же признают в этом случае Электру за дочь Агамемнона, известную своими несчастьями и упоминаемую в трагедиях Софокла.

¹³ *Камилла* – дочь Метаба, царя вольсков.

¹⁴ *Пентесилея* – царица амазонок, убитая Ахиллом при защите Трои.

¹⁵ *Латин* – царь аборигенов, отец Лавинии, которая была обещана в жены Турну – царю рутулов, но впоследствии вышла за Энея, что вызвало войну между Энеем и Турном.

¹⁶ *Саладин* – султан Египта и Сирии.

¹⁷ *Марция* – жена Катона Утицкого.

¹⁸ *Юлия* – дочь Цезаря и жена Помпея.

¹⁹ *Корнелия* – мать Гракхов.

²⁰ *Вкруг мудреца...* – Данте говорит об Аристотеле, учение которого пользовалось в его время большим почетом.

²¹ *Демокрит* – древнегреческий философ, приписывавший создание мира действию одной только случайности.

²² *Диоскорид* – уроженец Сицилии, известный своим трактатом «О лекарственных веществах».

¹⁶³ Анаксагор и геометр Евклид,
Вот призрак Цицерона и Орфея,
Тит-Ливия, Сенеки; вот скользит
¹⁶⁶ Тень Иппократа с тенью Птолемея;
Вот Галиен, мудрец Аверроэс²³ ...
Не в силах передать теперь вполне я
¹⁶⁹ Всех предо мной являвшихся чудес
И слов не нахожу для выраженья.
Перед мной круг спутников исчез.
¹⁷² Из светлого приюта в то мгновенье
Мой проводник со мной спускаться стал
В зловещий, мрачный мир грехопаденья,
¹⁷⁵ Где даже воздух самый трепетал,
Куда сквозь мрак, который там гнезвился,
Луч света никогда не западал.
¹⁷⁸ И в этот мир с поэтом я спустился.

²³ *Аверроэс* – родом из Кордовы, был известен как лучший толкователь Аристотеля.

Песня пятая

Вергилий вводит Данте во второй, меньший круг Ада. Они видят свирепого Миноса, творящего суд и расправу над каюцимся душами грешников и распределяющего их по разным отделам Ада. Казнь за преступную любовь. Франческа де Полента. Ее рассказ. Поэт лишается чувств и падает.

¹ Круг первый Ада нами был пройден,
И во второй – в круг меньший —
мы спускались,
Где жалобней звучали плач и стон
⁴ И муки бесконечнее казались.
Там злобный Минос с скрежетом зубов
Внимал, как тени, плача, признавались
⁷ В своих грехах, и, их казнить готов,
Произносил свой суд неотразимый.
Признания их слушая, без слов,
¹⁰ Своим хвостом, судья неумолимый,
Всегда спешил обвиться столько крат
Вокруг себя, лишь бешенством томимый,
¹³ На сколько ступеней пониже в Ад
Им осужденный призрак повергался,
И тем хвостом, свернувшимся в обхват,
¹⁶ Род казни их всегда определялся.
Пред Миносом, покаявшись в грехах,
Ряд призраков один другим сменялся
¹⁹ И падал в бездну с воплем и в слезах.
Меня увидя, Минос суд ужасный
Остановил с проклятьем на губах:
²² «Зачем ты здесь, скажи, пришлец
несчастный?
Здесь мир скорбей и ужаса приют.
Сюда тебе ворота отпрут,
²⁵ Но выйти вон отсюда очень трудно». —
«К чему грозишь? – сказал мой
проводник. —
Мы не пойдем друг друга обоюдно:
²⁸ Тот, кто своим могуществом велик,
Сойти сюда ему дал позволение.
Впусти ж его и удержи язык».
³¹ И вопли я услышал в отдаленье,
Когда вступил в тот мрачный, адский круг,
Где раздавались стоны исступленья,
³⁴ Где омертвел, казалось, свет вокруг,
Где, словно вечный ропот океана,

Носился гул неутихавших мук;
³⁷ Где адские порывы урагана,
Бичуя, и терзая, и кружа,
За тенью тень несли среди тумана,
⁴⁰ И души падших грешников, дрожа,
Стеня, хулы на Бога изрыгали.
За чувственность казнь эту заслужа,
⁴³ Как я узнал, те души в Ад попали...
Как стаи птиц в холодный день зимы
В бессилии мнутятся, так летали,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.